

Ягья Ватаняр Саидович

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой мировой политики
Санкт-Петербургского государственного университета

Йюкселтен Мехмет Нуруллах

аспирант факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета

**ПОЛИТИКА ТУРЦИИ
В БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ
(2002–2015 ГГ.)**

Аннотация:

В статье рассматриваются актуальные вопросы внешней политики современной Турции до известных трагических событий с российским военным самолетом Су-24 на границе Турции и Сирии 24 ноября 2015 г. Определены главные ориентиры международной деятельности Турции. Произведены анализ и оценка политики Анкары на Большом Ближнем Востоке, в Северной Африке и Евразии.

Ключевые слова:

Турция, Большой Ближний Восток, Лига арабских государств, Россия, ЕС, Сирия, G-20, Израиль, ИГИЛ, «арабская весна», беженцы.

Yagya Vatanyar Saidovich

D.Phil. in History,
Professor, Head of Department of World Politics,
St. Petersburg State University

Yukselten Mehmet Nurullah

PhD student, School of International Relations
St. Petersburg State University

**TURKEY'S POLICY
IN THE MIDDLE EAST
(2002–2015)**

Summary:

The article deals with the current issues of the foreign policy of modern Turkey until the well-known tragic events with the Russian military aircraft Su-24 on the border of Turkey and Syria on November 24, 2015. The main goals of the international activities of Turkey are discussed. The authors analyse and assess Ankara's policy in the Greater Middle East, North Africa and Eurasia.

Keywords:

Turkey, Greater Middle East, the Arab League, Russia, the EU, Syria, G-20, Israel, Islamic State of Iraq and the Levant, "Arab Spring", refugees.

В XXI в. в мировой политике происходят крупные, порой весьма значительные по своим последствиям изменения, обусловленные выходом на глобальный уровень Китая, обладающего экономической, военной и геополитической мощью, ослаблением доминирующей роли США в международном сообществе, попытками Запада изолировать Россию от внешнего мира, ростом международного авторитета и влияния России, появлением так называемых растущих экономик, увеличением числа активно действующих международных универсальных и региональных организаций (например, БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), МИСТ (Мексика, Индонезия, Южная Корея, Турция)), а также участием во внешнеполитической жизни гражданских обществ практически всех стран – членов ООН. Активность неправительственных акторов, особенно террористического и конфликтогенного толка, привносит черты хаотичности, турбулентности, непредсказуемости в ситуационную обстановку в мире. Самое незначительное происшествие в любой части земного шара становится объектом заинтересованности всего международного сообщества. К этому событию мгновенно привлекается внимание ведущих государств мира, их союзников, крупных и малых стран, пытающихся тем самым повысить свой зарубежный статус. Естественно, не остаются в стороне международные организации: они одними из первых начинают реагировать на происходящее. В конечном счете ситуация с трудом поддается управлению в условиях глобализирующегося мира [1].

В результате значительных геополитических и геоэкономических перемен в конфигурации мирополитических отношений появились новые регионы, территориально и структурно усложнились прежние регионы, вышли на международную арену находившиеся ранее в тени или вовсе не упоминавшиеся регионы. К последним можно отнести Центральную Азию, Евразию, Балтийский и Азиатско-Тихоокеанский регионы, Большой Ближний Восток. В XXI в. ускорился процесс институционализации мирополитических и региональных международных отношений. Возникающие таким образом организации пытаются содействовать процессам упрочения глобальной, региональной и даже внутригосударственной безопасности.

Вследствие определенного географического положения одна и та же страна нередко оказывается участницей двух-трех таких региональных структур. Конечно, каждая из стран задействована в них не с одинаковой силой. Яркий пример тому – Турция, которая наиболее успешно, активно и эффективно действует на Ближнем Востоке и в Евразии, а с наименьшей силой – в Черноморском экономическом сообществе, и то не по ее вине. Однако интересы Турции простираются далеко за пределы этих трех регионов. Они просматриваются не только в ЕС и Северной

Америке, с которыми Анкара сотрудничает как член НАТО или как ассоциированная с ЕС страна. Турция активно развивает свои отношения с АТР и Африкой [2; 3]. В поле ее зрения, таким образом, находятся две трети членов ООН, но первостепенное значение для ее политики имеют евросоюзное, ближневосточное, североамериканское и евразийское направления [4].

Профессор МГИМО (У), доктор политических наук Е.Г. Пономарева определила главные ориентиры международной деятельности Турции. Это ЕС, Россия, Центральная Азия и Ближний Восток. Именно в таком порядке она отметила эти векторы внешней политики Анкары. Далее автор отмечает: «Роль страны на международной арене формируется и реализуется в процессе наложения и пересечения этих векторов» [5]. За рубежом действует около 120 турецких посольств (в 2000 г. – 91), в том числе 28 в Африке и 25 на Арабском Востоке. Однако дипломатический корпус страны невелик: так, в дипломатических представительствах Турции в арабских странах трудится всего 135 человек [6]. Недостаток кадров, обусловленный низкими бюджетными затратами на обеспечение деятельности министерства иностранных дел (около 450 млн евро в год), снижает возможности Турции в ее движении к центру мировой политики. Их едва хватает, чтобы обеспечивать региональные амбиции Анкары. Кроме того, квалификация многих дипломатов оставляет желать лучшего: знающих, например, арабский язык среди них в 2011 г. было всего лишь 26 человек. Вероятно, этим можно объяснить, что посольство в Каире неверно оценивало ситуацию в Египте в конце июня – начале июля 2013 г., когда 3 июля был свергнут президент страны Мухаммед Мурси.

Анкара резко осудила этот государственный переворот. В результате отношения с Египтом резко ухудшились: были отозваны послы. После вынесения в Каире смертного приговора египетскому экс-президенту из Анкары раздалась более жесткая критика в адрес тех, кто совершил государственный переворот, выдав его за революцию. Подверглись нелестному осуждению США, государства ЕС и Персидского залива и ряд других стран, поддержавших военных, устранивших от власти легитимного президента и фактически возведших на высший пост генерала Абдулфеттаха Саида Хусейна Халила ас-Сисси. Тот в свою очередь интерпретировал реакцию Анкары как вмешательство во внутренние дела суверенного государства Египта.

Взаимные обвинения положили начало кризису политики неоосманства, проводимой как часть внешнеполитического курса Турции «ноль проблем с соседями». Противоречия Анкары и Каира по поводу легитимности нынешней президентской власти и свержения избранного народом представителя «Братьев мусульман» Мухаммеда Мурси – это один из неудачных штрихов современной внешней политики Турции. Продолжающаяся по настоящее время напряженность в отношениях Анкары и Каира подорвала провозглашенный курс беспроblemного сотрудничества Турции с соседями. На первых порах, когда этот курс был провозглашен лет семь тому назад, тогдашнему министру иностранных дел Ахмету Давутоглу деятельность Анкары в этом направлении казалась успешной. Удача сопутствовала Турции и тогда, когда Анкара подписала Цюрихские протоколы с министром иностранных дел Армении Налбандяном в Швейцарии, призванные положить начало нормализации межгосударственных отношений. Однако надежды Анкары и Еревана на обоюдное развитие добрососедства не оправдались. Обе стороны начали обвинять друг друга в срыве действующих договоренностей. Мнения разделились и в научных кругах [7].

Вслед за этой неудачей упомянутых выше ближневосточных государств осложнились связи Турции с Сирией, Ираком и Ираном. Причина состояла в неприемлемой для них позиции Анкары, противоборствующей Тегерану и его сторонникам – шиитским Дамаску и Багдаду в противодействии суннитским силам и в ее соперничестве за региональное лидерство. На точке замерзания, т. е. без поступательного движения, остались контакты с Болгарией и Грецией. Единственной страной, по существу соседом, граница с которой пролегает по Черному морю и с которой у Турции до 24 ноября 2015 г. определилось стратегическое партнерство, оказалась Россия. Оно реализовывалось несмотря на расхождения по ряду мирополитических проблем (Сирия, Египет, Армения, Украина). И это следует признать заметным внешнеполитическим достижением обеих сторон.

Права Е.Г. Пономарева, которая специально подчеркнула заинтересованность обеих стран в формировании экономических связей, а также в сотрудничестве внешних и дипломатических ведомств по поддержанию региональной безопасности [8]. Спорные международные вопросы Москва и Анкара оставляли, что называется, за скобками своих подлинно партнерских, равноправных и взаимовыгодных отношений. Это еще раз подтвердилось в ходе встречи президентов России и Турции В.В. Путина и Р.Т. Эрдогана во время торжественного открытия Первых Европейских игр в Баку в июне 2015 г. Откровенная, деловая и дружественная беседа руководителей смягчала (если вообще не устраняла) негативные оттенки, какие возникли в турецких политических кругах и среди населения после визита В.В. Путина в Ереван 24 апреля 2015 г., когда в Армении отмечали столетие трагедии армянского народа, имевшей место в Османской империи в ходе Первой мировой войны.

Характер бакинской встречи и последовавшие правительственные решения об инженерных изысканиях «Газпрома» по морскому участку «Турецкого потока» в исключительной экономической зоне Турции и ее территориальных водах, а также о подтверждении использования

положительных результатов оценки воздействия на окружающую среду, полученных для турецкого морского участка газопровода «Южный поток» (от строительства его Россия отказалась из-за обструкции ЕС) для сооружения новой газотранспортной магистрали [9], опровергали выводы А. Глазовой о принятом руководством страны курсе на обострение отношений с Россией [10]. При этом автор в подтверждение своей точки зрения ссылается, в частности, на статью «Черные тучи над Турцией», опубликованную в одном из майских номеров (2015 г.) газеты «Нью-Йорк Таймс». В данном материале утверждалось, что «Эрдоган обвиняется в политических репрессиях и создании атмосферы мрака в стране» и США и НАТО призывали «способствовать тому, чтобы Эрдоган свернул с этого деструктивного пути». Подобные выводы могли быть сделаны американским изданием ввиду того, что внутривнутриполитическая стабильность в стране находилась на низком уровне, значительно проявлялось недовольство людей политикой президента, что показали выборы в парламент Турции 7 июня 2015 г., закончившиеся потерей Партией справедливости и развития (ПСР) статуса правящей партии, имеющей абсолютное большинство [11]. Но, на наш взгляд, главной причиной столь антиэрдоганских суждений американской газеты было то, что президент Турции, Партия справедливости и развития и ее депутаты в Великом национальном собрании не присоединились к антироссийским санкциям Запада и что в целом ряде случаев Анкара заняла антинаатовские позиции, хотя надо признать, что Турция остается верным членом этой военно-политической организации [12]. Сам Р.Т. Эрдоган дал резкую отповедь газете «Нью-Йорк Таймс», называя публикацию этой статьи вмешательством в дела Турции [13].

Анкара в отношении своих соседей, в том числе России, уже давно отказалась от широко практиковавшейся ранее идеологемы «Турция окружена тремя морями и четырьмя врагами». Кстати, это выгодно отличает Анкару от Греции, премьер-министр которой, А. Ципрас, будучи в апреле 2015 г. в Москве, во всеуслышание заявил, что ни он, ни его страна не приемлют название «Турецкий поток» по отношению к газопроводу, который будет проложен из России до границы Турции с Грецией для создания мощного газобаза с целью последующей транспортировки газа в заинтересованные европейские страны, и поэтому в Афинах газопровод будет именоваться «Греческим потоком». Нелишним будет задаться вопросом, кто разжигает межстрановую неприязнь? К сожалению, ни в российских СМИ, ни в Кремле, где была произнесена эта отнюдь не благозвучная фраза о Турции, не получила должной отповеди, возможно, из-за традиционной благосклонности Москвы к православной Греции, а все же, вероятнее, из-за попытки Москвы привлечь на свою сторону хоть одну страну ЕС в условиях санкций Запада.

Кстати, Турция не присоединилась к этой политике и продолжила вести торговые отношения с Россией, экономически взаимодействовала с ней, невзирая на раздающиеся угрозы или соответствующие призывы из западных столиц. Подобное поведение стало еще одним фактором, формирующим негативное отношение евросоюзников к приему Турции в ЕС. Особенно здесь следует отметить Францию, Германию и Австрию как исключительно ярких противников полноправного допуска Турции в это объединение. Между тем Анкара уже более 50 лет безуспешно «стучится в его двери». Каждый раз отрицательный ответ обосновывается новыми причинами. Среди них слабая демократия в Турецкой Республике, кипрская проблема, большое количество турок-иммигрантов в Германии, не желающих ассимилироваться, которые к тому же являются мусульманами, в то время как в Германии сильна исламофобия, непризнание Турцией геноцида армян в 1915 г. (а признала ли Франция геноцид колонизированных африканских народов?), обвинения в подавлении массовых выступлений молодежи на площади Таксим во время событий в парке Гези в 2013 г. и так до бесконечности.

В Брюсселе, Берлине, Париже, Вене и некоторых других столицах стран ЕС не принимаются в расчет шаги Анкары по демократизации в различных областях жизнедеятельности государства. Попытки властей Турции смягчить позицию ЕС не увенчиваются успехом. Отметим также, что и само турецкое правительство, с 2002 г. и по 2 июля 2015 г. формировавшееся исключительно на однопартийной основе ПСР, побеждавшей на выборах в меджлис, нередко допускало нелиберальные решения, высказывания и даже призывы. Основные применяемые Турцией в этом процессе методы относятся к так называемой «мягкой силе», хотя порой власти прибегают и к использованию жесткой силы (например, когда Анкара пыталась подавить сепаратистское движение Рабочей партии Курдистана или стремилась обезопасить свои границы с Сирией, Ираком, защитить Турецкую Республику Северного Кипра). За это и многое другое ее неоднократно резко критиковали в ЕС.

Резкой критике турецких парламентариев подверглись их евросоюзниковские коллеги за принятие резолюции, осуждающей власти Анкары за разгон демонстрантов в парке Гези. Еще больший гнев президент Р.Т. Эрдоган и его окружение обрушили на Европарламент за резолюцию апреля 2015 г., осуждающую Турцию за геноцид армян, хотя сама Анкара, признав трагедию армян, не считает ее геноцидом. На Западе и внутри страны осуждению подвергались нынешний президент Р.Т. Эрдоган и его окружение за приписываемый им отказ от светских основ Турецкой

Республики, заложенных ее основателем Кемалем Ататюрком. В ЕС не могут также согласиться с тем, что Р.Т. Эрдоган, посещая европейские страны с большим числом турок-иммигрантов, призывает их сохранять свой язык, религию, идентичность, то есть не ассимилироваться с местным населением, оставаясь турками.

В условиях кризиса, уже не первый год переживаемого ЕС, Брюсселю стало еще более затруднительно вести переговоры с Анкарой по поводу ее полноправного членства в ЕС. Турецкие ученые Эбру Турхан из стамбульского университета Сабанчи и Бюлент Арас из Центра Вильсона в Вашингтоне считают современные экономические проблемы ЕС препятствием для успешного хода переговоров с Турцией, если они все-таки возобновятся [14]. Они утверждают, что стабильность положения Турции крайне важна для ЕС. Вместе с тем, по мнению ученых, переговорный процесс и принятие Турцией евросоюзских ценностей, правовых норм и структур будут играть позитивную роль для стабилизации ситуации в стране. Э. Турхан и Б. Арас предлагают задействовать в ходе переговоров другие механизмы, которые будут способствовать вступлению страны в ЕС. Речь идет о том, что Анкаре следует внести конструктивный вклад в обеспечение политики обороноспособности и общей безопасности ЕС (EU's Common Security and Defence Policy), а также использовать свое членство в НАТО и связи с США и возрастающую роль в энергоснабжении Европы.

Иная точка зрения у Е.Г. Пономаревой: «Последние годы действия Брюсселя – убедительное доказательство того, что ЕС не хочет видеть в своем составе (Турцию. – авт.). И это можно считать позитивным итогом, потому что в случае отказа у Турции возникнет уникальная возможность быть страной-интерлокером, связывающим разные государства и цивилизации. История дает стране уникальный шанс, которым нельзя не воспользоваться» [15]. Кстати, на третьей встрече российских и турецких интеллектуалов в Анталье в январе 2015 г. неоднократно раздавались голоса о целесообразности присоединения Турции к ШОС, Таможенному союзу и даже вступлению ее в ЕАЭС. Тем более что сам Р.Т. Эрдоган не раз высказывался по поводу такого варианта развития событий в случае невступления страны в ЕС. Важно иметь в виду, что Анкара уже получила статус участника переговоров в ШОС.

Как бы ни складывалась дальнейшая судьба вопроса вступления Турции в ЕС, он по-прежнему будет своеобразным оселком, испытанием взаимоотношений Анкары с Западом. Тем более что многое в ее внешней политике ориентировано на ЕС. Не надо при этом забывать, что Турция является ассоциированным членом ЕС и пользуется льготами в торговле с его странами.

Динамично развивающиеся связи с Россией, противоречивые отношения с ЕС, нестабильные контакты с США, напряженность в отношениях с Арменией, другими соседями и так называемыми соседями их соседей – все это обеспечивало становление Турции как региональной державы, вступившей на стезю движения к центру мировой политики. На этом региональном и глобальном пути у Анкары нашлось немало соперников. Это, например, Иран, опирающийся на собственные ресурсы и шиитское население в арабских странах, которое, взяв в руки оружие, повело вооруженную борьбу против суннитских государств и правителей тех стран, где оно в меньшинстве или в большинстве. Таким образом, возникла шиитская дуга нестабильности на Ближнем Востоке.

Военное противостояние двух основных ветвей ислама стало наиболее характерным трендом мирополитического развития в XXI в. Попытка Турции возглавить суннитское движение сопротивления шиитам натолкнулась на противодействие ряда арабских стран. Некоторые из них первоначально после событий «арабской весны» позитивно отнеслись к турецкой модели развития, но по истечении недолгого времени изменили свое отношение. Однако общие интересы в борьбе с режимом президента Башара Асада в Сирии привели в конечном счете к совместным действиям по поддержке оппозиционных сил в этой стране и к примирению казавшихся непримиримыми арабских государств и Анкары. Пресс-секретарь министерства иностранных дел Турции Танжу Бильгич особо подчеркивал схожесть политики Турции и Саудовской Аравии в отношении Сирии [16]. В антиасадовском движении Анкара сотрудничает с Великобританией, США и другими своими союзниками. Однако это не исключает недовольства Вашингтоном по поводу его медлительности, отсутствия необходимой наступательности в свержении режима Асада. Более того, в турецкой столице растет обеспокоенность ориентацией Вашингтона на курдов в войне против «Исламского государства» (организации, деятельность которой запрещена на территории России), захватившего обширные пространства асадовской Сирии и представляющей собой одну из крупнейших угроз США, всему Ближнему Востоку, а также Европе и России.

Курды, как одна из главных сил против ИГИЛ и Асада, снабжаются оружием и поддерживаются политически и материально практически всем Западом. Анкара, сталкивающаяся с сепаратистским движением курдов на своей территории и усилением Рабочей партии Курдистана и других организаций курдов, выступающих за создание самостоятельного государства, т. е. отделения от Турции, Сирии, Ирака, да и Ирана, не заинтересована в вооруженном укреплении курдов

ни в Сирии, ни в Ираке, ни в Иране. Именно схожестью антикурдской позиции во многом объясняется нынешнее взаимодействие Турции и Ирана. Однако от позиции Тегерана ее отдалают различные подходы к асадовской Сирии, всецело Ираном поддерживаемой. Вероятно, в определенной благосклонности (точнее, может быть, нейтральности) Анкары к «Исламскому государству», в чем ее обвиняют Запад и оппозиционные силы внутри страны, сказывается общий антиасадовский курс Турции, так как тем самым президент Р.Т. Эрдоган и его окружение, пользуясь поддержкой по крайней мере почти половины своего населения, пытаются добиться еще большего ослабления режима Асада, если вообще не свержения его, а также поражения курдов в войне в Сирии. Знаменательны слова, сказанные турецким президентом 28 июня 2015 г., а именно: «Турция никогда не позволит, чтобы на ее южных границах в Сирии было создано курдское государство. Анкара приложит все усилия, чтобы этот план никогда не был осуществлен, вне зависимости от цены вопроса» [17; 18].

В сложившейся ситуации Анкара искала и продолжает искать варианты укрепления своих связей с соседями, хотя, как уже стало ясно, отношения со многими из них оставляют желать лучшего. Так, Турция не прочь была бы стать главным «консолидатором» создаваемого военного альянса арабского «НАТО», инициатором которого выступает Саудовская Аравия, также занимающая непримиримую позицию в отношении Асада. Предполагается привлечь в этот союз Иорданию, Марокко, Судан, Алжир, Катар, ОАЭ, Египет. Анкара, как пишет И. Горшков, «способна сыграть роль если не официального, то теневого лидера более широкого суннитского блока. У нее есть исторический опыт военного контроля на Ближнем Востоке, отличная военно-техническая база, прекрасно подготовленные военные кадры, и, что немаловажно, она – член НАТО. Не исключено, что именно Анкара смогла бы модифицировать упомянутую натовскую матрицу и сделать ее эффективной применительно к региону» [19, с. 10].

По свидетельству О. Кузнецовой, на встрече президента России В.В. Путина с главой министерства иностранных дел Сирии Валидом Муаллемом в июне 2015 г. прозвучало предложение Москвы приложить усилия к созданию международной коалиции в составе Турции, Иордании и Саудовской Аравии, которая сплотила бы эти страны в борьбе с террористической угрозой [20]. Скепсис и самого министра, и комментаторов этой инициативы довольно откровенен. Тем не менее нельзя не признать, что предложенный формат не случаен. По-видимому, в Кремле, как обычно, были взвешены все «за» и «против» и в конечном счете перевесили доводы «за», так как объединение названных стран в совместной, коалиционной борьбе с терроризмом, набирающим силу в этом регионе, – веление времени. Все эти государства измотаны продолжающейся уже многие годы войной, несут огромные людские и финансовые потери, истощены политически и экономически, сталкиваются с внутренними кровавыми вылазками террористов, страдают (особенно Турция) от наплыва беженцев. Учитывая все эти обстоятельства, в Москве, судя по всему, был предложен разумный выход из создавшегося положения, указана перспектива решения проблем, обусловленных затяжной войной, агрессивностью «Исламского государства» и безрезультатностью усилий по свержению Асада.

Если бы предложенный Москвой план воплотился в жизнь, Анкаре пришлось бы, с одной стороны, смириться с существованием на своих границах алавитского режима Башара Асада, пользующегося поддержкой России, Китая, Ирана [21, с. 29] и всего шиитского мира, а с другой – признать ошибочность своей воинственной позиции по отношению к этой «четверке», ориентируясь в конечном счете на США, и увидеть в них главную силу, противоборствующую асадовской Сирии и стремящуюся совместно со своими союзниками усмирить Большой Ближний Восток. Турция, участвуя в реализации этого намерения Москвы, в таком случае приобрела бы также существенные дивиденды, выражающиеся в нормализации своих отношений с государствами этого обширного региона, охватывающего Юго-Западную Азию и Северную Африку. То есть политика «ноль проблем с соседями», являющаяся краеугольным камнем неоосманизма, приобрела бы второе дыхание. Тогда укрепились бы центр- и регионально-политические позиции Турции, а ее модель политического, экономического, светского, духовного и гуманистического развития вновь, вероятно, приобрела бы популярность в арабском мире, как это было во время «арабской весны». Турция, согласившись с предложением России о создании антиигиловской коалиции с Иорданией и Саудовской Аравией, повысила бы свой авторитет как крупного регионального актора, двигающегося, преодолевая трудности, к центру мировой политики.

Однако резкое снижение демократического позитива «арабской весны» [22] было болезненно воспринято в Анкаре. К тому же к этому времени ухудшились отношения Турции с США, другими странами НАТО и Израилем. Существовала даже вероятность, что Турция окажется в одиночестве на глобальной и региональной арене [23]. Конечно, эта точка зрения была излишне пессимистичной, так как, несмотря на появившуюся дискомфортность политического положения Турции и ее взаимосвязей с внешним миром, прежде всего с Западом и окружающими ее странами, Анкара проводила внешнеполитическую линию с учетом складывающихся обстоятельств,

а также динамично развивающихся отношений с Россией, тюркским миром и странами, не подвергшимся «антиарабовесенним» вызовам. Правда, как полагает экс-посол Турции в Ираке Мурат Озчелик, Р.Т. Эрдоган, избрав антиасадовский курс, не учел, что на стороне Асада – великие евразийские державы Россия и Китай. Он надеялся прежде всего на США, но затем заметно разочаровался в них в связи с Сирией, признанием ими военного переворота в Египте, оказавшейся на грани распада Ливией, безоглядной поддержкой Израиля и заигрыванием Вашингтона с курдами, таящим в себе угрозы национальной безопасности Турции [24, р. 27–34].

Достижение договоренностей «шестерки государств» (постоянные члены Совета Безопасности ООН и Германия) с Ираном по поводу ядерной программы Тегерана внесло, конечно, заметные изменения в конфигурацию межгосударственных отношений Турции с этой страной, в частности углубив противоречия между ними и борьбу за лидерство в регионе. Вместе с тем ожидаемое снижение цены на нефть из-за снятия санкций с Ирана дало возможность Анкаре улучшить экономическую ситуацию в стране, в том числе стабилизировать турецкую лиру. Кроме того, неизбежность роста иранских государственных амбиций в результате бессанкционных отношений с Западом и Россией содействовала сплочению арабо-суннитских государств и Турции. Это произошло из-за отказа Р.Т. Эрдогана от светских принципов [25, р. 30]. Если довериться информации Мурата Озчелика, являющегося в настоящее время вице-председателем Народно-республиканской партии, правящая Партия справедливости и развития в течение почти 15 лет проводила курс умеренного ислама (*moderate islam*), выдвинув, в частности, лозунг «Ислам совместим с демократией», и действовала в соответствии с ним в мусульманском мире [26, р. 31].

Происламская позиция Анкары приветствовалась многими исламскими государствами. Однако отрицательно на арабском мире сказалась провозглашенная политика неоосманизма, в которой арабы увидели намек на восстановление империи османов. Упомянувшийся уже Мурат Озчелик очень красочно описал, как восприняли на Востоке и Западе неоосманизм турецкого правительства. От удивления, заметил он, брови у людей в обоих геополитических регионах взлетели вверх. «Каждый, – подчеркнул кадровый дипломат в отставке, – мог заметить, что арабы возненавидели эту идею (неоосманизм. – авт.), арабские националисты взбешены. Это также было в Иране» [27, р. 29].

Неоосманизм Турции совпал с цветными революциями на Ближнем Востоке, которые начались в Тунисе в 2011 г. и состоялись чуть ли не во всех арабских странах, но уже с негативным результатом для демократии [28; 29]. Сама Турция столкнулась с цветной революцией в 2013 г. Данное событие получило название «движение парка Гези». Кстати, бывший заместитель иностранных дел Беларуси (1995–1996), нынешний председатель Европейско-Белорусского банка А. Санников время совершения подобных событий в Турции на площади Таксим в Стамбуле, в Египте на площади Ат-Тахрир в 2011 г., в Киеве на Майдане в 2013–2014 гг. и в Минске на площади Независимости в 2010 г. назвал периодом площадей [30, р. 40]. Это было, как он полагает, проявлением крайнего неудовлетворения людей ограничением их свобод.

В отличие от многих своих арабских соседей, где были осуществлены государственные перевороты (кроме Саудовской Аравии, Бахрейна, других стран Залива, Иордании и Марокко), в Турции обошлось без смены власти, однако возрос уровень нестабильности ее внутри- и внешнеполитического положения. По крайней мере, статус Турции как ключевого игрока на Большом Ближнем Востоке [31] был серьезно поколеблен. Тот всплеск арабской признательности за резкое осуждение тогдашним премьер-министром Р.Т. Эрдоганом агрессивности Израиля на Давосском форуме в 2009 г. померк. То же самое можно сказать и о той реакции, которая произошла в Тегеране, когда Турция в 2010 г. в Совете Безопасности ООН проголосовала против введения санкций в отношении Ирана.

Однако Турция, как важнейший геостратегический и геоэкономический партнер (данный статус обеспечивается ее членством в НАТО, других крупных международных организациях [32]), по-прежнему продолжала оставаться в центре внимания мирового сообщества [33]. Важную роль в повышении авторитета Турции в мире сыграло ее председательство в G-20. В настоящее время Анкара строит свои отношения с зарубежьем с учетом этого исключительно важного обстоятельства. Позитивное значение для престижа Турции в мире имело проведение Международной конференции наименее развитых стран мира в Стамбуле в 2014 г. Анкара тогда сыграла значительную интеграционную и креативную роль по сплочению этих государств, усилению их голоса в мировом сообществе и включению их проблем в повестку дня. Скорейшее принятие решений по данным проблемам обеспечит выполнение задач тысячелетия, обозначенных ООН.

Позитивно сказался на имидже Турции Международный энергетический форум в октябре 2016 г., на котором присутствовал и выступал с речью президент РФ В.В. Путин, посетивший Турцию после нормализации отношений с ней начиная с лета 2016 г.

Организация Анкарой подобных масштабных мероприятий не только повышает ее имидж на мировой арене, но и благотворно сказывается на восприятии Турции в окружающем ее политическом пространстве. Ее соседям приходится считаться с постепенным превращением Турции

в транснациональный мост транспортировки нефти и газа: яркие примеры тому – 1730-километровый нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан и газопровод Баку – Тбилиси – Эрзурум. В этом же ряду находится договоренность Анкары с Москвой о строительстве газопровода «Турецкий поток». Также существует множество проектов по строительству энерготрубопроводов через территорию Турции, в случае реализации которых резко возрастет значение Турции в мировой транспортной системе поставок нефти и газа, а следовательно, и ее мирополитический вес [34]. Судя по всему, это позволит нивелировать уже возникшие и, вероятно, еще возникающие провалы во внешней политике страны [35]. Уместно будет привести вывод, к которому пришел министр иностранных дел Нидерландов Франс Тиммерманс: «Турция является важным фактором для диверсификации Европой своего энергоснабжения» [36, р. 31].

Те изменения, которые происходили во внешнеполитическом курсе Турции или, по крайней мере, якобы имели место, по мнению тех или иных преимущественно не российских политиков, связывались со следующими формулировками: «Турция: сдвиг по оси», «Турция отрывается от Запада» и пр. Анкара опровергала эти выдумки западных политологов и политиков, отмечая их предвзятость, надуманность и злобредность. Возражая наветам, А. Давутоглу еще в 2010 г. дипломатично говорил своим оппонентам: «Нет линейной дипломатии, есть поверхностная дипломатия, а поверхность – это весь мир» [37]. Далее он разъяснял, что турецкая дипломатия не должна быть ограничена какими-либо границами или чьим-либо влиянием. «Вот почему в сфере турецких интересов весь мир», – делал весьма существенный вывод политик. Возможны какие-то отступления в делах Турции на мировой арене, не исключены и просчеты. Это вполне объяснимо, так как ситуация на мировой арене быстро меняется, она калейдоскопична, порой хаотична, формирует немало новых вызовов, с которыми Анкара вынуждена считаться. Турция, как подчеркивал известный ученый Тарик Огузлу, активно интегрируется в мировые политические и экономические системы [38]. Но и местные обозреватели не прочь были покритиковать внешнюю политику страны, выявляя, по их мнению, узкие места в ней [39] или, наоборот, позитивность предпринятых шагов [40].

Особой критике подвергся провозглашенный А. Давутоглу еще в бытность его министром иностранных дел курс «ноль проблем с соседями», оказавшийся к середине десятилетия XXI в. провальным в результате воздействия событий «арабской весны», т. е. по существу реакционной тупиковостью того, что произошло после отхода от прогрессивных замыслов первопроходцев в «арабской весне» [41]. А. Давутоглу говорил: «Наш подход “ноль проблем с соседями” является еще одним важным ответом “нашим критикам”, которые все “крутились” вокруг данной концепции. Мы также говорим: мы никогда не обращали внимание на вероисповедание Асада. Когда Асад еще не притеснял свой народ, наши отношения с Сирией, Ливаном и Иорданией прекрасно развивались, четыре безвизовые страны, я собственноручно подписал протоколы о свободной торговле. Если бы Асад не стал проводить репрессии в отношении своего народа, то не подготовилась бы почва возникновения террористических организаций, между этими четырьмя странами сегодня была бы торговля и безвизовый режим. Однако он (Асад) не прислушался к нашим советам и решил угнетать людей. Вот почему наши отношения испортились. Но в один прекрасный день наступит мир в Сирии. Объявляя концепцию “ноль проблем с соседями”, мы не говорили “ноль проблем со злодеями”. Да, у нас были и остаются проблемы со злодеями (тиранами). Но, когда он научится жить в мире со своим народом, мы создадим самые лучшие отношения, какие мы создали с Ираком. Мы были и остаемся с народом Сирии и Ирака в борьбе против терроризма и зверств ИГИЛ. Мы не смотрим на вероисповедание тех, кто совершает зверства. Мы против зверств, преследований, варварства» [42]. То есть смысл этой длинной выдержки из речи А. Давутоглу сводился к тому, что концепция «ноль проблем с соседями» продолжает действовать, а антиасадовский курс как раз направлен на удовлетворение интересов простых людей, выступивших против режима.

Кстати, в интересах сирийцев, бежавших от лишений гражданской войны, все разрастающейся в Сирии, в том числе и в результате боевых действий «Исламского государства», Турция открыла пропускные пункты на своей 900-километровой границе с этой арабской страной и приняла, по данным Агентства по делам беженцев ООН, 1 772 535 человек (данные 2015 г.) [43]. На сегодняшний день эта цифра увеличилась в два раза. Среди них есть иракцы и даже афганцы. По-видимому, когда судьбы стран, откуда эти почти 2 млн человек прибыли в Турцию, сложатся иначе, когда там будет установлена демократия и люди смогут жить, не боясь власть имущих, эта благородная акция (предоставление убежища обездоленным сирийцам, иракцам и афганцам) станет залогом установления беспроblemных отношений Турции с их государствами. Вместе с тем нельзя оставить без внимания мнение министра иностранных дел Нидерландов Франса Тиммерманса о том, что «ситуация на турецко-сирийской границе и поток беженцев создают угрозу не только безопасности самой Турции, но и всему Евросоюзу» [44, р. 30]. Не случайно президент Франции поддержал инициативу своего турецкого коллеги по созданию буферной зоны на границе Турции с Сирией для приема и защиты беженцев. Кроме того, оба руководителя,

разговаривая по телефону, согласились, что «оптимальным решением иракского конфликта может быть только политический диалог, подразумевающий полноценную интеграцию суннитского населения и его представителей» [45].

Содержание в 2014 г. почти 2 млн не по своей воле прибывших иммигрантов потребовало дополнительных расходов турецкого бюджета: в 2014 г. Анкаре пришлось потратить на них 4,6 млрд долл. [46]. Годом позднее эта цифра достигла 9 млрд долл. В 2013 г. Турция оказала гуманитарную помощь в объеме 3,3 млрд долл. нуждавшимся в ней странам, включая государства Большого Ближнего Востока [47].

Несмотря на политические трудности во взаимоотношениях Турции с арабскими странами, товарооборот с ними постоянно рос, достигнув в 2014 г. 57 млрд долл. (в 2002 г. – 7 млрд долл.). В мае 2014 г. в Анкаре состоялась встреча министров финансов Турции и семи арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки. Выступления, прозвучавшие на ней, обнадеживают, что экономические и торговые связи между участниками будут развиваться. Приведем далее несколько примечательных высказываний [48].

Министр финансов Турции Мехмет Шимшек, подчеркнув роль страны как моста, связывающего главные рынки Ближнего Востока и Северной Африки, заявил: «Стамбул становится глобальной столицей. Мы провели существенные экономические реформы. Ясно, что политическая стабильность – очень важный фактор десятилетнего успеха Турции». Продолжая свою речь, он торжественно произнес: «Арабский мир пробуждается, в нем укрепляются демократия, процветание и стабильность. Острейшей проблемой на Ближнем Востоке и в Северной Африке является безработица. Я думаю, однако, эта проблема будет решена в результате осуществления экономических реформ наподобие турецких». Приглашая арабские страны инвестировать в турецкую экономику, М. Шимшек отметил: «Вместе мы выстоим, врозь потерпим неудачу». В ответной речи министр финансов Иордании Уммая Тукан выразил надежду, что эта встреча имеет решающее значение для укрепления турецко-арабских отношений, которые в минувшие более чем 50 лет оставляли желать лучшего, хотя арабский мир нуждается в Турции как в финансовом хабе для связи с Европой и другими частями света. У. Тукан особо выделил, что «никто не может игнорировать тот факт, что Турция – это крупный международный рынок». Иорданский министр призвал к расширению связей с Турцией, а также к подъему экономики в самих арабских странах вопреки их политическим проблемам.

Вряд ли, конечно, военные действия в Сирии, Йемене, Ливии, Ираке, кровавые вылазки экстремистов в Тунисе, Египте, Саудовской Аравии, Бахрейне, других арабских странах и нестабильная обстановка в самой Турции, где ультраправые группировки время от времени устраивают взрывы напротив государственных учреждений, нападения на иностранцев (например, в 2014 г. на трех молодых американцев) благоприятствуют значительному росту внешней торговли. Хотя нельзя не отметить тот факт, что на Большом Ближнем Востоке уже не первый год полыхает война, растут темпы торговли между странами региона, но не всеми. Так, объем торговли Турции и Ирана составил в 2014 г. 13,7 млрд долл. (в 2012 г. – 22 млрд долл.) [49].

Президент Р.Т. Эрдоган обвинил некий международный центр в организации беспорядков, волнений и вооруженных акций в Турции, Египте и Украине. Он отметил, что располагает соответствующими документами [50]. Турецкий президент осудил и тех, кто колонизировал Америку в погоне за золотом и Африку – за алмазами и кто в настоящее время делает то же самое, но уже за нефть и газ. В сердцах он даже бросил фразу о том, что настроен против нового Аравийского Лоуренса, напомнив при этом имя британского шпиона, который подстрекал арабов к выступлению против Османской империи в годы Первой мировой войны [51]. На очередном пятом круглом столе, организованном научным обществом «Чатхем хаус» в сентябре 2014 г. в Стамбуле, ряд участников – крупные ученые, эксперты и политики сошлись во мнении о том, что в регионе Ближнего Востока и Северной Африки сложились оппозиционные блоки: шиитский, включающий Иран и военно-политическую группировку Хезболла; блок, состоящий из Турции, Катара и объединяющий страны на основе приверженности идеологии «Братьев мусульман» (совпадение взглядов этих двух стран, возможно, обусловлено предоставлением 117 контрактов турецким строительным компаниям на 13,5 млрд долл. на сооружение объектов для чемпионата мира по футболу 2022 г. [52]); и группа стран (Саудовская Аравия, Египет и ОАЭ), отстаивающих необходимость сохранения статус-кво в регионе [53, р. 124].

Разумеется, в обозначенных блоках названы лишь ведущие в них страны. В отношении турецко-катарского политико-идеологического сближения следует сказать, что у обеих стран имеются и общие геэкономические интересы в Афганистане, по территории которого потенциально может пройти газопровод Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ) [54]. И хотя мотивация у Дохи и Анкары в определении своей позиции различна, остается предположить, что Катар, поддерживающий Турцию, основывается и на их общей позиции в отношении «Братьев мусульман» и насильственного отстранения от власти Мохаммеда Мурси в Египте.

Однако время, когда в арабском мире лично Р.Т. Эрдоган именовался новым Насером, прошло. Это произошло из-за неприятия арабскими интеллектуалами, демократической политической элитой, прогрессивно настроенной молодежью и свободомыслящими кругами арабов жесткого подавления им еще в бытность премьер-министром движения парка Гези; из-за опрометчивости в выборе стратегических целей при проведении политики на Большом Ближнем Востоке, в том числе касательно египетских событий; из-за восприятия турецкой политики неосманства как возврата к временам Османской империи [55, р. 62–63]; из-за, на наш взгляд, непонимания провозглашенной А. Давутоглу еще в 2001 г. основополагающей для внешней политики Турции концепции «стратегической глубины», на базе которой разрабатывался курс «ноль проблем с соседями». Негативную роль в восприятии интеллектуалов сыграло и то, что они оценивают многие идеи в речах Р.Т. Эрдогана как стратегию по исламизации Турции и ее отторжению от Европы вслед за очевидным отказом Евросоюза принять Турцию в свой состав [56, р. 68]. У них сложилось, как считает Эмре Эршен из стамбульского университета Мармара, мнение о существующей во властных структурах Турции ностальгии по временам Османской империи. На наш взгляд, однако, речь в Турции идет лишь о ценностях Османской империи, исключенных из жизнеоборота распоряжениями основателя Турецкой Республики, духовной и научной реконструкции истории страны, в 30-е гг. XX в. преданной забвению, и ни в коем случае не о восстановлении границ, существовавших до окончания Первой мировой войны.

Что же касается политики Турции на Ближнем Востоке, важно еще иметь в виду, что «отношения Турции со странами региона рассматриваются как краеугольный камень успешного выполнения стратегии “стержневой страны”, называемой порой “доктриной стратегической глубины” или даже “доктриной Давутоглу”» [57, р. 97]. Этот крупный государственный деятель Турции, ставший в конце августа 2014 г. премьер-министром, а ныне ушедший в отставку, в своих концептуальных подходах к Ближнему Востоку основывается на убеждении, что активная политическая, социальная и экономическая интеграция между ближневосточными странами является наилучшим путем преодоления искусственных границ в регионе [58, р. 98]. В этом процессе он полагается на «мягкую силу» вместо военных угроз.

Большое значение придавалось использованию такого элемента «мягкой силы», как туризм из числа граждан ближневосточных стран. Так, в 2014 г. Турцию посетили более 4 млн чел. из данных государств (для сравнения из Германии – 4,3 млн чел., из России – 4,1 млн чел.). Турецкие сериалы, которые показывают в арабских кинотеатрах или по ТВ, играют большую роль в формировании в среде арабов благоприятного облика Турции, сумевшей успешно, как стремились показать создатели многочисленных киноэпопей, совместить восточные и западные ценности. Большая многомиллионная аудитория в арабских государствах посмотрела такие турецкие сериалы, как «Серебро» (85 млн чел.) и «Под тенью деревьев Линден» (67 млн чел.) [59]. Не меньшее число зрителей-арабов посмотрели сериалы «Великолепный век», «Королек – птичка певчая» и, конечно же, «Логово волков».

Однако слабым моментом при проведении Турцией политики «мягкой силы» в арабских странах является практическое отсутствие в них крупных (а в ряде государств даже малочисленных) групп лоббистов, так как в этих государствах, как правило, нет турецких диаспор. Данная ситуация не способствует принятию в арабоязычных ближневосточных и североамериканских странах выгодных для Турции правительственных или общественных решений. Попытки экономически и диаспорально закрепиться в той или иной стране Большого Ближнего Востока заканчивались, как правило, неудачно. Так, масштабное участие турецкого бизнеса в каддафитской Ливии и пребывание тысяч турецких рабочих, инженеров и менеджеров в этой стране прервалось из-за антидемократических военных сил, уничтоживших режим Муамара Каддафи и его самого.

После оценки результатов «арабской весны» в Анкаре началась разработка новой региональной внешнеполитической доктрины, нацеленной на преобразование страны в глазах соседей. Ее автором стал Ибрагим Калын, главный советник Р.Т. Эрдогана по международным вопросам в бытность его премьер-министром. В новой доктрине, получившей название «драгоценное одиночество» [60], отражены действия официальной Анкары, предполагаемые к осуществлению или уже осуществленные во время и после событий «арабской весны». В доктрине упоминается, что Турция, надеясь на высокий демократический потенциал «арабской весны», ее предназначение для растущего межгосударственного взаимодействия и устранения межстрановых, территориальных, пограничных, деловых и иных проблем, определила свое видение задач «арабской весны», свои подходы к сотрудничеству с соседями и с еще большей силой подтвердила свою приверженность политике «ноль проблем с соседями». Однако действительность во многом оказалась иной, не столь обнадеживающей, как предполагалось первоначально. Турция, по существу, стала пребывать в одиночестве в годы после «арабской весны».

Именно такими рассуждениями в экспертном сообществе обосновывалось утверждение, что Турция проиграла во внешнеполитической среде в связи с «арабской весной». Ответом на это стали слова А. Давутоглу: «Мы никогда не стремимся быть победителем в “арабской весне”».

Мы верим, что если бы Сирии, Ливии и Египту было предоставлено право выбора, то эти страны оказались бы победителями. Турция всегда будет на стороне избранных народом руководителей стран данного региона. Важно не то, что Турция выиграла или проиграла, а что в регионе должны быть обеспечены мир и стабильность» [61]. Остается согласиться с мнением А. Давутоглу. Доктрина «драгоценное одиночество», которую некоторые аналитики могут воспринимать как своеобразный отклик на неудачу Анкары в контексте «арабской весны», не получила практически никакого шанса на реализацию.

В Турции на повестке дня до сих пор стоит вопрос о положении страны во взаимоотношениях с ближневосточными государствами, о целях и задачах соединения, интеграции глобальной системы управления с религиозными и историческими традициями, ценностями, корнями, а также с национальными геостратегическими и геоэкономическими интересами, а также о роли Турции в региональной структуре мировой политики. Поэтому с избранием Р.Т. Эрдогана президентом страны в августе 2014 г. и с учетом его намерений кардинального конституционного переустройства Турции широко обсуждалась проблема наступления новой эры, новой Турции.

Однако ожидание изменений откладывалось до новых выборов в Великое национальное собрание Турции, назначенных на 7 июня 2015 г. Их итоги оказались не в пользу Партии справедливости и развития: она не получила абсолютного большинства в парламенте страны, что позволило бы сформировать однопартийное правительство и принимать выгодные для нее и, разумеется, Р.Т. Эрдогана законы. Тем самым были поставлены под сомнение возможности принятия новой законодательной базы для новой Турции.

Однако последовавшие позже роспуск парламента и новые выборы в Великое национальное собрание страны 1 октября 2015 г., где Партия справедливости и развития получила абсолютное большинство мест для формирования правительства, показывают, что в стране произошли большие сдвиги во внутренней и внешней политике, в том числе во взаимоотношениях с соседями на Большом Ближнем Востоке.

Ссылки:

1. Барабанов О.Н., Голицын В.А., Терещенко В.В. Глобальное управление. М., 2006. 256 с.
2. Хренов В.В. Южнокорейско-турецкие дипломатические и культурно-экономические связи: ретроспектива и современность // Новые тенденции социокультурных изменений в корейском и российском обществах / отв. ред. Р.К. Танталычева, В.В. Козловский. СПб., 2015. С. 265–271.
3. Ягья В.С., Колесникова М.А. Турция и Африка в XXI веке // Общество и политика в Африке: неизменное, меняющееся, новое : тез. XIII конф. африканистов (Москва, 27–30 мая 2014 г.) / отв. ред. акад. А.М. Васильев. М., 2014. С. 746.
4. Лагутина М.Л., Ягья В.С. Турецкий фактор в евразийской интеграции // История, философия, социология, культурология: опыт и знания в процессе формирования и развития общества : сб. материалов междунар. науч. конф. (Москва, 26–28 июня 2014 г.) / под ред. проф. В.С. Ягья. Киров, 2014. С. 26–27.
5. Цит. по: Сафаров Ф. Россия и Турция счастливы вместе? Интервью с Е.Г. Пономаревой // Аргументы и факты – Турция. 2015. № 40.
6. Dinçer O.B., Kutlay M. Türkiye'nin Ortadoğu'daki Güç Kapasitesi: Mümkünün Sınırları. Ampirik bir inceleme // Usak Yayınları. Ankara, 2012. No. 12-03. Nisan. S. 31.
7. Язькова А.А. Нагорно-Карабахский конфликт ждет решения // Независимая газета. 2010. 18 июня ; Shahnazaryan D. Nervous Neighbors: Five Years after Armenia-Turkey Protocols // Turkish Policy Quarterly. 2014. Fall. Vol. 13, no. 3. P. 45–54.
8. Цит. по: Сафаров Ф. Указ. соч.
9. Миронов А. Спасатели индексов // Санкт-Петербургские ведомости. 2015. 24 июня.
10. Глазова А. Турция накануне новой нестабильности // Независимая газета. 2015. 5 июня.
11. Борисов А. Победа как поражение // Санкт-Петербургские ведомости. 2015. 9 июня ; Кузнецова О. Турция показала склонность к демократии // Коммерсантъ. 2015. 8 июня ; Пьерини М., Ульген С. Выборы и будущее Турции // Независимая газета. 2015. 19 июня.
12. Stamatopoulos Th.T. NATO today: facing challenges from the East and South // Turkish Policy Quarterly. 2014. Fall. Vol. 13, no. 3. P. 19–24.
13. Эрдоган поставил на место New York Times // Аргументы и факты – Турция. 2015. № 46. 1–15 июня.
14. Turhan E., Aras B. Turkey: a fresh start with Europe? // Today's Zaman. 2014. 7 February.
15. Цит. по: Сафаров Ф. Указ. соч.
16. Дружба против общего врага // Аргументы и факты – Турция. 2015. № 45. 16–30 мая.
17. Юсин М., Кузнецова О. Турецко-исламское государство // Коммерсантъ. 2015. 29 июня.
18. См. также: Разуваев В. Турция не понравилась успехи курдов в борьбе с «Исламским государством» // Независимая газета. 2015. 3 июля.
19. Горшков И. Урфин Джонс Аравийский // Мир и политика. 2015. № 6 (105). Июнь.
20. Кузнецова О. Дамаску обещано подкрепление коалицией // Коммерсантъ. 2015. 30 июня.
21. Özçelik M. Turkish Foreign Policy in the Middle East // Turkish Policy Quarterly. 2014. Fall. Vol. 13, no. 3.
22. Batı-Sonrası Dünyaya Doğru Türk Dış Politikası : Müsaid Araştırma Raporları : 82 / der. Ali Resul Usul. İstanbul, 2013. S. 37.
23. Türkiye ve Orta Doğu'daki Son Durum [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bilgesam.org/incele/2027/-turkiye-ve-orta-dogu'daki-sondurum/#.VOT8MvmsVqU> (дата обращения: 25.12.2016).
24. Özçelik M. Op. cit. P. 27–34.
25. Ibid. P. 30.
26. Ibid. P. 31.
27. Ibid. P. 29.
28. Демидов А. «Управляемый хаос» // Стратегия России. 2015. № 5 (137). Май. С. 33–38.
29. Манойло А. Украина – генеральная репетиция. Цветные революции и демонтаж власти // Там же. № 4 (136). Апрель. С. 23–32.

30. Sannikov A. The End of "Stability" in the EU's Neighborhood // *Turkish Policy Quarterly*. 2014. Fall. Vol. 13, no. 3.
31. Batı-Sonrası Dünyaya ... S. 8.
32. Batı-Sonrası Dünyaya ... ; Brief History of D-8 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.developing8.org/about.aspx> (дата обращения: 25.12.2016) ; Erbakan D-8'i kurmak için direndi [Электронный ресурс]. URL: <http://yenisafak.com.tr/politika/erbakan-d-8i-kurmak-icin-direndi-494293> (дата обращения: 25.12.2016) ; Kar M. D-8'i Yeni Bir Vizyon ile Okumak [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sde.org.tr/tr/authordetail/d-8i-yeni-bir-vizyon-ile-okumak/1199> (дата обращения: 25.12.2016) ; Yerlikaya T. Batı basınında Türkiye Algısı. İstanbul, 2015. S. 7.
33. Medeniyetler Çatışması mı? / K. Gürsoy, M. Aydın, A. Davutoğlu, I. Ortaylı. Ankara, 2002.
34. См., например: Франция поддержала создание буферной зоны на турецко-сирийской границе // *Невское время*. 2014. 10 окт.
35. См.: Keyman F. Yeni Türkiye'nin dış politika kimliği erken cumhuriyet vizyonunu içermeli [Электронный ресурс]. URL: http://www.radikal.com.tr/yazarlar/fuat_keyman/yeni_turkiyenin_dis_politika_kimligi_erken_cumhuriyet_vizyonunu_icer-meli-1224053 (дата обращения: 25.12.2016).
36. Dombey D. Turkey's age-old grievances against foreigners re-emerge // *Financial Times*. 2014. 18 November.
37. Davutoğlu: Hattı Diplomasi Yoktur Sathı Diplomasi Vardır. Sath ise Tüm Dünyadır // *Radikal*. 2010. 5 Ocak.
38. Oğuzlu T. Güvenlik Kültürü ve Türk Dış Politikası // *Bilgi*. Kış 2015, sayı 72. S. 228.
39. Arslan D. Turkish foreign policy problematic on many fronts // *Sunday's Zaman*. 2014. 23 March.
40. Enerjide dünyanın kavşağı olduk // *Star*. 2014. 3 aralık ; Erdogan, Putin meet on sidelines of Olympics, Energy ties on Agenda // *Today's Zaman*. 2014. 8 February ; Erdogan and Putin discusses energy ties, Crimea and Syria // *Daily Sabah*. 2014. 19–20 April ; Paul R. Turkey and Putin's cunning plan // *Today's Zaman*. 2014. 3 December ; Tunakan B. Turkish-Russian cooperation a must for regional stability // *Daily Sabah*. 2014. 28 May ; Turkey emerges as option for new Russian pipeline // *Ibid*. 29 May.
41. Alper Ali Define "Zero", Professor Davutoglu // *Today's Zaman*. 2014. 27 August.
42. Davutoğlu: Biz, komşularla sıfır sorun derken... [Электронный ресурс]. URL: http://www.radikal.com.tr/politika/davutoglu_biz_komsularla_sifir_sorun_derken-1260876 (дата обращения: 25.12.2016).
43. В Турции больше всего беженцев // Аргументы и факты – Турция. 2015. № 48.
44. Timmermans F. Security and Peace at Home and in the World: Building Bridges // *Turkish Policy Quarterly*. 2013. Fall. Vol. 12, no. 3.
45. Франция поддержала создание ...
46. Suriyeli sığınmacılara yapılan harcama 4.6 milyar doları aştı [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sanliurfahaber.com.tr/suriyeli-siginmacilara-yapilan-harcama-4-6-milyar-dolari-asti-212782h.html> (дата обращения: 25.12.2016).
47. Uluslararası yardımlarda 'en cömert ülke' unvanını taşıyan Türkiye'nin yardım seferberliği sürüyor [Электронный ресурс]. URL: <http://kdk.gov.tr/haber/turkiyenin-dis-yardimlari-2013/494> (дата обращения: 25.12.2016).
48. Turkey, Balkans and MENA economics to grow together // *Daily Sabah*. 2014. 29 May.
49. Taşpınar Ö. Turkey's choice in Yemen // *Today's Zaman*. 2015. 2 April.
50. Dombey D. Op. cit.
51. *Ibid*.
52. Turkish economy minister visits Qatar // *Hürriyet*. Daily News. 2014. 19–20 April.
53. Chatham House Istanbul Roundtable. Realignment in NIENA // *Turkish Policy Quarterly*. 2014. Fall. Vol. 13, no. 3.
54. Князев А.А. Под угрозой поставки газа в Китай из Средней Азии // *Независимая газета – Дипкурьер*. 2015. 2 апр.
55. Samaan J.-L. Rise and Fall of the "Turkish Model" in the Arab World // *Turkish Policy Quarterly*. 2013. Fall. Vol. 12, no. 3.
56. *Ibid*. P. 68.
57. Erşen E. Geopolitical Codes in Davutoglu's Views Toward the Middle East // *Insight Turkey*. 2014. Winter. Vol. 16, no. 1.
58. *Ibid*. P. 98.
59. Dinçer O.B., Kutlay M. Op. cit. S. 31.
60. Haber H. Dış politikada 'değerli yalnızlık' dönemi [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/planet/24553602.asp> (дата обращения: 25.12.2016).
61. "Mısır halkıyla yakın ilişkilere devam" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.haber7.com/dis-politika/haber/1098547-misir-halkiyla-yakin-iliskilere-devam> (дата обращения: 25.12.2016).

References:

- 'Alper Ali Define "Zero", Professor Davutoglu' 2014, *Today's Zaman*, 27 August.
- Arslan, D 2014, 'Turkish foreign policy problematic on many fronts', *Sunday's Zaman*, 23 March.
- Barabanov, ON, Golitsyn, VA & Tereshchenko, VV 2006, *Global management*, Moscow, 256 p., (in Russian).
- Borisov, A 2015, 'Victory as a defeat', *Sankt-Peterburgskiy vedomosti*, 9 June, (in Russian).
- 'Brief History of D-8' 2016, viewed 25 December 2016, <<http://www.developing8.org/about.aspx>>.
- 'Chatham House Istanbul Roundtable. Realignment in NIENA' 2014, *Turkish Policy Quarterly*, Fall, vol. 13, no. 3.
- 'Davutoğlu: Biz, komşularla sıfır sorun derken...' 2016, viewed 25 December 2016, <http://www.radikal.com.tr/politika/davutoglu_biz_komsularla_sifir_sorun_derken-1260876>, (in Turkish).
- 'Davutoğlu: Hattı Diplomasi Yoktur Sathı Diplomasi Vardır, Sath ise Tüm Dünyadır' 2010, *Radikal*, 5 Ocak, (in Turkish).
- Demidov, A 2015, "Managed Chaos", *Strategiya Rossii*, no. 5 (137), May, pp. 33-38, (in Russian).
- Dinçer, OB & Kutlay, M 2012, 'Türkiye'nin Ortadoğu'daki Güç Kapasitesi: Mümkünün Sınırları. Ampirik bir inceleme', *Usak Yayınları*, Ankara, No. 12-03. Nisan. S. 31, (in Turkish).
- Dombey, D 2014, 'Turkey's age-old grievances against foreigners re-emerge', *Financial Times*, 18 November.
- 'Enerjide dünyanın kavşağı olduk' 2014, *Star*, 3 aralık, (in Turkish).
- 'Erbakan D-8'i kurmak için direndi' 2016, viewed 25 December 2016, <<http://yenisafak.com.tr/politika/erbakan-d-8i-kurmak-icin-direndi-494293>>, (in Turkish).
- 'Erdogan and Putin discuss energy ties, Crimea and Syria' 2014, *Daily Sabah*, 19–20 April.
- 'Erdogan, Putin meet on sidelines of Olympics, Energy ties on Agenda' 2014, *Today's Zaman*, 8 February.
- 'Erdogan put in place the New York Times' 2015, *Argumenty i fakty – Turtsiya*, no. 46, 1-15 June, (in Russian).
- Erşen, E 2014, 'Geopolitical Codes in Davutoglu's Views Toward the Middle East', *Insight Turkey*, Winter, vol. 16, no. 1.
- 'France supported the creation of a buffer zone on the Turkish-Syrian border' 2014, *Nevskoye vremya*, 10 October, (in Russian).
- 'Friendship against a common enemy' 2015, *Argumenty i fakty – Turtsiya*, no. 45, 16-30 May, (in Russian).
- Glazova, A 2015, 'Turkey on the eve of a new instability', *Nezavisimaya gazeta*, 5 June, (in Russian).
- Gorshkov, I 2015, 'Urfin Jones of Arabia', *Mir i politika*, no. 6 (105), June, (in Russian).
- Gürsoy, K, Aydın, M, Davutoglu, A & Ortaylı, I 2002, *Medeniyetler Çatışması mı?*, Ankara, (in Turkish).

- Haber, H 2016, *Dış politikada 'değerli yalnızlık' dönemi*, viewed 25 December 2016, <<http://www.hurriyet.com.tr/planet/24553602.asp>>, (in Turkish).
- Kar, M 2016, *D-8'i Yeni Bir Vizyon ile Okumak*, viewed 25 December 2016, <<http://www.sde.org.tr/tr/authordetail/d-8i-yeni-bir-vizyon-ile-okumak/1199>>, (in Turkish).
- Keyman, F 2016, *Yeni Türkiye'nin dış politika kimliği erken cumhuriyet vizyonunu içermeli*, viewed 25 December 2016, <http://www.radikal.com.tr/yazarlar/fuat_keyman/yeni_turkiyenin_dis_politika_kimligi_erken_cumhuriyet_vizyonunu_icermeli-1224053>, (in Turkish).
- Knyazev, AA 2015, 'Under threat of gas supply to China from Central Asia', *Nezavisimaya gazeta – Dipkur'yer*, 2 Apr., (in Russian).
- Kuznetsova, O 2015a, 'Damascus was promised reinforcement by the coalition', *Kommersant*, 30 June, (in Russian).
- Kuznetsova, O 2015b, 'Turkey showed a propensity for democracy', *Kommersant*, 8 June, (in Russian).
- Manoylo, A 2015, 'Ukraine is the final rehearsal. Color revolutions and the power deinstallation', *Strategiya Rossii*, no. 4 (136), April, pp. 23-32, (in Russian).
- Mironov, A 2015, 'Rescuers of Indexes', *Sankt-Peterburgskiye vedomosti*, 24 June, (in Russian).
- "'Mısır halkıyla yakın ilişkilere devam'" 2016, viewed 25 December 2016, <<http://www.haber7.com/dis-politika/haber/1098547-misir-halkiyla-yakin-iliskilere-devam>>, (in Turkish).
- 'Most of refugees are in Turkey' 2015, *Argumenty i fakty – Turtsiya*, no. 48, (in Russian).
- Oğuzlu, T 2015, 'Güvenlik Kültürü ve Türk Dış Politikası', *Bilig*, Kış, sayı 72, S. 228, (in Turkish).
- Özçelik, M 2014, 'Turkish Foreign Policy in the Middle East', *Turkish Policy Quarterly*, Fall, vol. 13, no. 3.
- Paul, R 2014, 'Turkey and Putin's cunning plan', *Today's Zaman*, 3 December.
- Pierini, M & Ulgen, S 2015, 'Elections and the future of Turkey', *Nezavisimaya gazeta*, 19 June, (in Russian).
- Razuvaev, V 2015, 'Turkey did not like the success of the Kurds in the struggle against the "Islamic state"', *Nezavisimaya gazeta*, 3 July, (in Russian).
- Resul Usul, A. (der.) 2013, *Batı-Sonrası Dünyaya Doğru Türk Dış Politikası : Müsaid Araştırma Raporları : 82*, İstanbul, S. 37, (in Turkish).
- Safarov, F 2015, 'Russia and Turkey are happy together? Interview with E.G. Ponomareva', *Argumenty i fakty – Turtsiya*, no. 40, (in Russian).
- Samaan, J-L 2013, 'Rise and Fall of the "Turkish Model" in the Arab World', *Turkish Policy Quarterly*, Fall, vol. 12, no. 3.
- Sannikov, A 2014, 'The End of "Stability" in the EU's Neighborhood', *Turkish Policy Quarterly*, Fall, vol. 13, no. 3.
- Shahnazaryan, D 2014, 'Nervous Neighbors: Five Years after Armenia-Turkey Protocols', *Turkish Policy Quarterly*, Fall, vol. 13, no. 3, pp. 45–54.
- Stamatopoulos, ThT 2014, 'NATO today: facing challenges from the East and South', *Turkish Policy Quarterly*, Fall, vol. 13, no. 3, pp. 19–24.
- 'Suriyeli sığınmacılara yapılan harcama 4.6 milyar doları aştı' 2016, viewed 25 December 2016, <<http://www.sanliurfaha-ber.com.tr/suriyeli-siginmacilara-yapilan-harcama-4-6-milyar-dolari-asti-212782h.html>>, (in Turkish).
- Tantalycheva, RK, Kozlovsky, VV (eds.) & Khrenov, VV 2015, 'South Korean-Turkish diplomatic and cultural and economic ties: a retrospective and the contemporaneity', *Novyye tendentsii sotsiokul'turnykh izmeneniy v koreyskom i rossiyском obshchestvakh*, St.-Petersburg, pp. 265-271, (in Russian).
- Taşpınar, Ö 2015, 'Turkey's choice in Yemen', *Today's Zaman*, 2 April.
- Timmermans, F 2013, 'Security and Peace at Home and in the World: Building Bridges', *Turkish Policy Quarterly*, Fall, vol. 12, no. 3.
- Tunakan, B 2014, 'Turkish-Russian cooperation a must for regional stability', *Daily Sabah*, 28 May.
- Turhan, E & Aras, B 2014, 'Turkey: a fresh start with Europe?', *Today's Zaman*, 7 February.
- 'Turkey, Balkans and MENA economics to grow together' 2014, *Daily Sabah*, 29 May.
- 'Turkey emerges as option for new Russian pipeline' 2014, *Daily Sabah*, 29 May.
- 'Turkish economy minister visits Qatar' 2014, *Hürriyet. Daily News*, 19–20 April.
- 'Türkiye ve Orta Doğu'daki Son Durum' 2016, viewed 25 December 2016, <<http://www.bilgesam.org/incele/2027/-turkiye-ve-orta-dogu-daki-sondurum/#.VOT8MvmsVqU>>, (in Turkish).
- 'Uluslararası yardımlarda 'en cömert ülke' unvanını taşıyan Türkiye'nin yardım seferberliği sürüyor' 2016, viewed 25 December 2016, <<http://kdk.gov.tr/haber/turkiyenin-dis-yardimlari-2013/494>>, (in Turkish).
- Vasilyev, AM (ed.), Yagya, VS & Kolesnikova, MA 2014, 'Turkey and Africa in the 21st century', *Obshchestvo i politika v Afrike: neizmennoye, menyayushcheyesya, novoye : tez. XIII konf. afrikanistov (Moskva, 27–30 maya 2014 g.)*, Moscow, p. 746, (in Russian).
- Yagya, VS (ed.) & Lagutina, ML 2014, 'The Turkish factor in Eurasian integration', *Istoriya, filosofiya, sotsiologiya, kul'turologiya: opyt i znaniya v protsesse formirovaniya i razvitiya obshchestva : sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 26–28 iyunya 2014 g.)*, Kirov, pp. 26-27, (in Russian).
- Yazkova, AA 2010, 'The Nagorno-Karabakh conflict is waiting for solution', *Nezavisimaya gazeta*, 18 June, (in Russian).
- Yerlikaya, T 2015, *Bati basınında Türkiye Algısı*, İstanbul, S. 7, (in Turkish).
- Yusin M & Kuznetsova, O 2015, 'Turkish-Islamic state', *Kommersant*, 29 June, (in Russian).